

Сергей Жулей

**Адресованное
Послание**

12+

Сергей Жулей

Адресованное послание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63980681

SelfPub; 2021

Аннотация

Мистика в этой книге вплетена в ткань реальной жизни как её полноправная и неотъемлемая часть. Автор при написании использовал свой личный опыт, а также переводил в текст киноленту, полученную им в потоковом состоянии сознания. Если Вы, уважаемый читатель, ощущаете жизнь не только в её исключительно бытовом проявлении, получаете удовольствие от закрученного, но вместе с тем, нетривиального сюжета, то эта книга для Вас.

Содержание

Пропавший посёлок	4
Маска	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сергей Жулей

Адресованное послание

Пропавший посёлок

Дан, просыпайся!..

Даниил, по давно заведённой привычке, «просканировал» тело – и только после этого открыл глаза. До потолка было рукой подать: значит, он не в своей квартире. Даниил повернул голову. Желтоватый сумрак плывал по купе; точнее, пла-

вал в верхней части замкнутого пространства. Между нижними полками была серо-зелёная мгла.

Поезд стоял на какой-то станции: сквозь неплотно задёрнутые занавески сочился тускло-цветной свет. Стрелки часов показывали 3 часа 07 минут. Недавно он вернулся к привычке носить часы, а не лазить постоянно в карман за мобильным телефоном. И не только потому, что ему подарили на день рождения красивый хронометр: оказывается, часы действовали на него успокаивающе. Он не смог объяснить самому себе психологический аспект такого воздействия – и остановился на том, что получает через наручные часы контроль над Временем. Вот так: ни больше, ни меньше.

Странно: в поездном расписании в это время не была указана стоянка. А для Нижнего Новгорода вроде бы слишком рано. «Скорее всего, здесь однопутка, – подумал он, – пропускаем встречный поезд».

Дан (так его называли близкие друзья) спустил ноги с полки, нащупал ступеньку подвесной алюминиевой лесенки и, стараясь не шуметь, слез на пол. Лестница чуть-чуть звякнула, но в целом двигался он почти бесшумно. Вечером в купе заселилась женщина с двумя детьми, и он уступил им свою нижнюю полку. Сейчас на ней, сунув ладошку под щёку, спал малыш лет четырёх. Одеяло сползло на пол, и мальчик, чтобы сохранить тепло, подтянул к животу колени. При посадке в Москве электронное табло в вагоне показывало двадцать два градуса, но вскоре после отъезда включили вентиляцию

и стало прохладнее. Он задержал взгляд на лице мальчика. На мгновение задумался: «В мои-то двадцать восемь такой мальчонка мог бы быть моим сыном. Не получилось». Даниил вздохнул, поднял одеяло, укрыл мальчика. Осторожно потянул влево дверь купе, та отъехала совсем без скрипа. Он аккуратно прикрыл дверь, по коридору направился в сторону туалета, но на полпути сбился с шага и остолбенел: левый нижний угол тамбурной двери наискосок был покрыт инеем, как будто за дверью стоял мороз градусов под тридцать. Так... вчера вечером в Москве было точно больше двадцати градусов, но «в плюсе» (конец июня, как-никак). Прошло около десяти часов. Куда же они за это время могли добраться?.. Ответ, как и в большинстве подобных случаев, лежал на поверхности: Даниил просто спал и видел сон, только и всего.

Как и многие в его окружении, Дан баловался «осознанными сновидениями» в духе Кастанеды и российского варианта сталкинга. У него кое-что получалось, а иногда не кое-что, а вполне продолжительные и качественные сессии. И даже получалось изменить версию сна, направить его в другое русло. Ну что ж, раз подвернулся такой случай – грех не воспользоваться! Дан вошёл в тамбур и повернул ручку боковой двери выхода на перрон... Ну конечно, сон: дверь оказалась не заперта. С улицы пахнуло тёплым ночным воздухом. Он спрыгнул на землю, не отбрасывая подножки, и пошёл к зданию вокзала. Впрочем, вокзал – это громко сказано; малень-

кий и обшарпанный до последней степени вокзальчик. Дану в туристических поездках приходилось видеть множество стареньких строений на полузабытых станциях. Это было одним из них. Правда, те всё-таки были подальше от мегаполисов. Над зданием даже не удосужились повесить вывеску с названием станции. М-да-а... провинция, однако...

Дверь отчаянно закрипела, но всё же пропустила Даниила в сухой полумрак внутреннего помещения. Оно, похоже, было здесь единственным; в противоположной стене находилась такая же дверь – наверное, с выходом в посёлок; слева у стены – несколько деревянных лавок, предшественников многоместных кресел залов ожидания; справа – буфетная стойка с припылённой витриной и гранёными стаканами, перевёрнутыми вверх доньшками. За стойкой, со скучающим видом и полотенцем через плечо, стоял человек лет за шестьдесят. «Наверное, он тут по совместительству и билеты продаёт, – мельком подумал Дан. – Вряд ли здесь много пассажиров. Во всяком случае, зарплатой его точно не обременяют: пиджаку на вид – лет сорок». Дан вспомнил, что видел такие в старых кинофильмах 1970-х годов, тогда именно такие носили.

Подойдя к стойке, Даниил поскользился взглядом по витрине.

– Пирожки с капустой или с картошкой?

– А есть и те, и другие, – голос у незнакомца отливало хриплой медью.

Дан полез в карман. Только сейчас он обратил внимание, что стоит в спортивном костюме, а в карманах ничего нет. Ну что ж, может, во сне и без денег продадут? Но – махнул рукой:

– Ладно, в следующий раз куплю, а то ещё поезд уйдёт.

– Какой поезд?

Что-то в голосе кассира-продавца Дану не понравилось. Он направился к двери, открыл её и вышел на платформу. Поезда не было. Мало того, рельсов тоже не было.

Влево и вправо от здания станции раскинулась бескрайняя тайга (то, что это не просто лес, а именно тайга, вошло в сознание на уровне интуиции), прорезанная полосой смешанного подлеска. Чисто теоретически можно было предположить, что когда-то здесь лежали железнодорожные пути. Даниил наклонился. Действительно! В траве полустёрто, но явственно, по просеке читались мелкие поперечные канавки – следы от шпал. И тут он мгновенно понял, что это не сон. Однако подобрал из травы шишку и полоснул себя по тыльной стороне ладони. Боль пришла реальная, но вокруг ничего не изменилось.

Даниил повернулся и вошёл назад в здание.

– Рельсы куда дели? – туповато спросил он

– Не знаю. Может, в металлолом сдали, – в тон ему ответил человек за стойкой.

– Когда?

Мужик задумался, почесал щёку и сказал:

– А чёрт его знает!

И Дан сразу ему поверил.

– Здесь телефон есть?

Мужчина указал подбородком на стену. На стене действительно, незамеченный ранее, висел телефонный аппарат с дисковым номеронабирателем.

– В Москву как позвонить?

– Никак, это внутренняя связь.

– Внутренняя связь с чем?

– Внутри посёлка. Ну, можешь скорую помощь вызвать, или милицию...

Дан встрепенулся.

– Тут есть милиция?

– Тут у нас всё есть, – неопределённо протянул мужчина, – только лучше до утра подождать. Нет, конечно, и сейчас примут, у них круглосуточно, но куда тебе теперь спешить?

– Лучше сейчас. Как звонить-то, ноль два?

– Сейчас так сейчас. А чего звонить-то, милиция – через дорогу.

– Почему, кстати, милиция, а не полиция?

– Там поймёшь. Тебя как звать-то?

– Даниил.

– А меня – Фёдор Григорьевич.

– Будем знакомы, Фёдор Григорьевич!

– Я тебе на лавке постелю: не в милиции же ночевать.

– Да уж...

Милиция представляла собой блок из двух бытовок. Их, видимо, привезли порознь и соединяли уже здесь, на месте. Справа от входа к стене бытовки была гвоздями прибитая скромная табличка с лаконичной надписью: «Милиция». Несмотря на поздний час, в одном окне из двух горел свет. Дан постучал и, не дожидаясь ответа, вошёл. За письменным столом сидел плотный человек с короткой стрижкой, в голубой рубашке с капитанскими погонами, и что-то быстро писал обычной шариковой ручкой – тёмно-жёлтой, с фиолетовым колпачком. Слева от капитана лежала стопка исписанных листов – штук двадцать, не меньше. Видно, писал он давно.

– Вечер добрый! – поприветствовал Дан.

– Да уж рассвет скоро, – благожелательно ответил капитан, не поднимая на вошедшего глаз и не отрываясь от работы.

– Меня Даниил зовут, а паспорт я в поезде оставил.

– Был бы человек, а документ мы всегда составим.

Дан смутно помнил, что похожее выражение, высказанное в адрес подследственного, ничего хорошего последнему не предвещало. Но он не был подследственным, да и времена другие, поэтому сел на стул по другую сторону стола и решительно заявил:

– Я в Москву хочу!

– В Москву все хотят, – всё так же благожелательно ответил капитан.

– У меня там дом!

– А у меня дом, – капитан запнулся и поднял глаза на посетителя, – в другом месте, а я вот тут сижу.

Глаза!.. Дослужиться только лишь до четырёх маленьких звёздочек в этом возрасте – такое возможно, но быть всего лишь в звании капитана с такими глазами – вряд ли. Или надо было уж слишком сильно проштрафиться.

– Вы из «конторы», – не удержался Дан.

– Приятно иметь дело с умным человеком. Впрочем, в скором времени всё равно бы догадались. Служили?

– Да, срочную, два года. Танкист.

– Это хорошо, – глаза капитана подобрели. – А то присылают чёрт знает кого!..

– Откуда присылают? – осторожно поинтересовался Даниил.

– Оттуда, – капитан с досадой ткнул ручкой в сторону железнодорожной станции.

– И часто... присылают?

Капитан некоторое время задумчиво изучал посетителя.

– После армии что-то заканчивали?

– Да.

– Давайте так: пообвыкнете немного, присмотритесь. Никаких резких движений не делайте. Поживите пока у бабы Дуси: третий дом отсюда, Григорьич покажет. А там и поговорим.

Капитан вытащил из кармана ключи, подошёл к стоящему в углу громадному несгораемому сейфу, открыл его, вы-

тащил несколько купюр и положил на стол перед Даниилом. Сверху положил бланк расходной ведомости: в левую длинную строку вписал его имя, в столбец – «сумма 50 руб.», и положил перед ним ручку.

– Это не вербовка. Это подъёмные. Надо же вам на что-то жить.

Дан взял в руки деньги: девять купюр номиналом по пять рублей и пять рублёвых. Посмотрел год выпуска денег: 1961. Поднял глаза на капитана. Тот открыл ящик стола, вытащил оттуда газету «Правда», взял ручку и обвёл дату: «17 сентября 1973 года».

– Газета недельной давности. Зовите меня Николай Фомич.

Даниил проглотил комок в горле:

– Имя и отчество настоящие?

– Настоящие.

– Значит, нет отсюда выхода?

– Может быть и есть, но пока никто не нашёл. Я сильно форсирую события и нарушаю все инструкции, но мне почему-то кажется, что это верный путь, – красные от недосыпа глаза капитана ничего сейчас не выражали.

– До завтра. Вернее, до вечера. Давайте в восемнадцать. И очень прошу: не надо никого ни в чём разубеждать. И так обстановка нервная.

Даниил молча взял ручку, расписался напротив суммы в пятьдесят рублей и вышел.

– Поговорили...

В голосе Григорьича вопросительной интонации почти не чувствовалось.

– Да.

– Если вернулся – значит, парень ты крепкий и с головой у тебя всё в порядке.

– А что, некоторые не возвращаются?

– Ты первый. Не ошибся я в тебе; не зря постель стелил, – он указал в сторону лавок.

– А эти, которые «не возвращаются», они куда деваются?

Григорьич пожевал нижнюю губу:

– Наверняка не скажу; думаю, что их в психушку увозят: какой с них толк?

– А вы, значит, тоже оттуда же, откуда и капитан?

– А ты как думаешь?

Дан вздохнул:

– Давайте, что ли, пирожков и чаю горячего.

Фёдор Григорьевич открыл витрину, достал тарелку с четырьмя пирожками; снял ценник с надписью «Печенье Юбилейное – 28 коп.» и, положив пачку печенья на тарелку, двинулся к столику.

– Я с тобой тоже чаю попью.

Стаканы с прилавка Фёдор Григорьевич проигнорировал;

достал откуда-то снизу красивые подстаканники с уже вставленными в них стаканами с тонкой стенкой. Оттуда же выудил термос из тёмной матовой нержавеющей и разлил по стаканам чай.

Дан засмотрелся на подстаканник. У орнамента на нём явно имелся какой-то древний прототип: линии перетекали друг в друга и создавали новый узор – отчасти дополняющий, а отчасти конфликтующий с предыдущим.

– Серебро?

– Мельхиор.

– Никогда не видел таких.

– А их два всего изготовлено. Я их по особым случаям достаю. Пей, пока горячий. С травками.

Дан отхлебнул чай и принялся к отвару.

– Похоже на таёжный сбор: тимьян, земляника, лесная смородина и... бадан?

– Бадан.

– Так он же здесь не растёт.

Фёдор Григорьевич глянул на Дана уважительно.

– Где «здесь»?

– Ну, мы же где-то недалеко от Нижнего Новгорода?

– С чего ты взял?

– Я же там с поезда сошёл...

– Уверен?

Дан задумался.

– В том, что вчера вечером я садился на поезд в Москве,

уверен. Что сошёл с поезда где-то не доезжая Нижнего, – тоже уверен. Думал, что это я во сне сошёл, а на самом деле... Вот же, я сижу и пирожки кушаю. Хотя... Когда выходил отсюда к поезду, средней полосы уже в помине не было: тайга здесь. И бадан... Мы в Сибири, что ли?

Фёдор Григорьевич подлил себе чаю, отхлебнул и посмотрел в окно:

– Нет у этого места конкретной географической привязки. Иногда кажется, что почти нащупали, а потом – опять обрыв... Ты ешь, ешь...

Дан застыл с набитым ртом, потом кое-как протолкнул в горло комок недожёванного пирога и, неожиданно перейдя на «ты», спросил:

– Подожди, Григорьич, у меня вопрос: вы же не каждый день гостей принимаете, а пирожки – свежие. Вы что, ждали меня?

Собеседник немного помолчал.

– Ну, не тебя конкретно, но ждали. Ждали того, кто нам тут разобраться поможет. Запрос отправили. Думали, что «в никуда», а вот видишь – сработало!

– И кто запрос составлял?

– Не всё сразу, перегрузиться можешь. Давай спать.

* * *

Дом бабы Дуси состоял из сеней, большой проходной ком-

наты (она же кухня), из которой две двери вели в крохотные спальни. Домотканые половики из ниток разных расцветок на чисто вымытом полу создавали ощущение уюта и вызывали воспоминания детства.

– Как в деревне у бабушки!..

Дан снял кроссовки, встал босиком на коврике у дверей.

Утреннее солнце падало через окно и высвечивало на жёлтом эмалевом полу световую дорожку от кухонного стола ко входу.

В дальнем правом углу комнаты виднелись образа, прикрытые полотенцами.

Сама баба Дуся – худенькая женщина лет семидесяти, с чистыми ясными глазами – хлопотала у печки.

– Я тебя Даней буду звать, – сообщила она, перекладывая со сковороды на тарелку очередную румяную лепёшку. – Мойте руки и проходите к столу. Ты, Федя, тоже проходи, в ногах правды нет.

На столе в тарелках стояли обычные деревенские яства: нарезанные кружочками помидоры и огурцы вперемешку с кольцами репчатого лука и дольками зелёного перца, присыпанные зеленью и политые растительным маслом; дымящаяся варёная картошка; в глиняной миске поблёскивали рыжики в сметане с добавлением мелко порезанного укропа.

Фёдор Григорьевич вопросительно глянул на бабу Дусю:

– Под грибочки можно и согрешить!..

– Ты же знаешь, я не одобряю. Ну, уж раз такой повод...

Она открыла дверцу буфета, достала графин с напитком рубинового цвета с коричневым оттенком и три рюмки. Согласно обычаю, поставила графин перед старшим из гостей.

– Разливай!

Подняла глаза на образа, перекрестилась и коротко что-то прошептала.

Рука у Фёдора Григорьевича сделала произвольное движение, которое можно было истолковать по-разному, но в итоге опустилась на горлышко графина.

Настойка оказалась мягкой, но крепкой, явно больше сорока градусов. Дан наколол вилкой рыжик, похрустел им и блаженно прикрыл глаза. Тревога, поселившаяся в низу живота, начала таять, спазмированные мышцы расслаблялись.

– Ты, Даня, кушай, пока горячие, – баба Дуся подложила Даниилу лепёшку и поставила розетку с вареньем. – Земляничное.

– Моё любимое.

– Ну вот и хорошо.

– А можно мне ещё рюмочку? – Дан указал на графин.

– Можно, ты же непьющий.

– А вы, баба Дуся, откуда знаете?

– Вижу. И называй меня на «ты». Баба Дуся и на «ты», мне так приятнее будет. Мне, Федя, половинку.

Выпили по второй. Баба Дуся открыла буфет и поставила графин на прежнее место. Фёдор Григорьевич с сожалением проводил его глазами, но ничего не сказал.

Солнце через окно заливало стол и отблёскивало от стенок посуды. Дан поймал в руку солнечный зайчик и зажал в ладонь на удачу.

– Ты, Даня, иди ложись и доспи по-домашнему, я постелила, – баба Дуся указала на дверь в спальню. – А ты, Федя, иди работай.

Даниилу захотелось узнать: какая такая у Фёдора Григорьевича работа, но ноги сами понесли его в спальню.

* * *

...Даниил шёл по тёмному сырому лесу. Тропинка становилась всё уже и скоро совсем исчезла. Стали попадаться кочки, поросшие сочной травой. Между кочками появилась вода: сначала прозрачная, потом – всё более тёмная. Вскоре передвигаться можно было только прыгая с кочки на кочку. Вот не стало и кочек. Перед ним, насколько хватало глаз, тянулось болото.

Впереди появилось серое полупрозрачное существо. Оно легко скользило по чёрной воде и направлялось к нему. В правом плече возникла сильная вибрация. Существо резко увеличило скорость...

– Даня, просыпайся!

Он открыл глаза. У кровати, склонившись к нему, стояла баба Дуся и трясла его за плечо.

– Сон дурной приснился?

– Да. Долго я спал?

– Часа два. Может, чуть больше. Вставай. Надо кровь разогнать, чтоб застойных мест не было, тогда и плохие сны не подступятся. Вот, я тебе носки положила и одежонку рабочую приготовила: поможешь мне картошку копать. Умеешь?

– Умею.

Огород у бабы Дуси делился на две почти равные части: слева, за домом – грядки с овощами; справа – ровные рядки с уже начавшей подсыхать картофельной ботвой.

– Ты, баба Дуся, по линейке, что ли, картошку сажала?

– Зачем по линейке? Я её, почитай, с семи лет сажу, глаз набила. Видишь, лунка в следующем рядке копана по моему следу, а шаг у меня давно уж не меняется.

– Ну-ну...

– Евдокея, ты что ж, работника наняла? – на палисадник опиралась полная пожилая женщина с котомкой на плече.

– Зачем работника, племянник вот приехал подсобить: огород на зиму убрать.

– Ты и не говорила никогда, что у тебя племяш есть.

– Никто не спрашивал, вот и не говорила.

– Не знаешь, в магазин завезли чего?

– Не знаю, не была...

– Ладно, пойду посмотрю, – женщина поправила котомку и, с трудом переставляя ноги, двинулась вдоль забора, временами придерживаясь за штакетник.

– Ты, баба Дуся, хоть проинструктируй меня: откуда я приехал, на чём и с какой стороны я тебе родственник.

– А чего тут, дело простое: ты сестры моей младшей, Клавдии, сын. Она за Георгием замужем была. Ты, значит, будешь, Даниил Георгиевич.

– А настоящий-то племянник не появится?

– Не появится. Нет у меня никого, Даня, погибли все в войну.

– В какую войну??

– В Отечественную.

Даниил сел на кучу картофельной ботвы и опёрся на лопату.

– погоди, баба Дуся, переварить надо. То есть, на самом деле племянника у тебя не было?

– Был. В сорок третьем Георгий на три дня приезжал. В начале сорок четвёртого он и родился. Если бы выжил, был бы примерно твой ровесник.

– Ладно, а приехал я сюда на чём?

– Как на чём?! На попутке. Здесь, за лесом, дорога...

Дан обалдело захлопал глазами.

– Раз можно приехать, значит, можно и уехать? Если я сейчас пойду на дорогу, поймаю попутку, то куда я смогу доехать?

– Вот уехать пока ни у кого не получилось.

– Почему?

– А нет попуток. Если ты уехать задумал – хоть неделю

сиди.

– А если пешком?

– Николай вон с того дома, крыша шифером покрыта, – дольше всех ходил. Через десять дней вернулся. Потом пил две недели.

– Тут запьёшь...

– Ты сходи, развейся. Я копаную картошку сама выберу. А остатняя пусть ещё постоит: дождей вроде нет, и ботва не вся посохла.

– А куда тут сходить-то?

– Вон, видишь, по той стороне окна зелёные – это магазин. Пелагея туда пошла, значит, о тебе уже весь посёлок знает. Сразу за магазином – пивная. В этой пивной мужики сидят, ну и бабы некоторые. Это у нас и клуб, и сельсовет, и...

Баба Дуся хотела сказать что-то ещё, запнулась и только махнула рукой.

– Значит, у вас тут и пивная есть!..

Наличие пивной почему-то произвело на Даниила сильное впечатление.

– У нас тут, Даня, всё есть. Всё как у людей. Или почти всё. Даже библиотека есть: через дом от пивной. Правда, туда мало кто ходит.

Даниил снял кепку, вытер пот со лба и пошёл переодеваться.

В помещении пивной стояли тяжёлые деревянные столы на четырёх и шестерых человек. В настоящее время в нём было десятеро: по центру – уже весёлая компания из четырёх мужчин средних лет и женщины «за тридцать»; слева у стены – трое тихих любителей пива пенсионного возраста; и в правом дальнем углу – одинокий мужик с всклокоченной шевелюрой и криво подстриженной бородой.

За стойкой – классический вариант: женщина кустодиевских форм с ярким румянцем на щеках, в красной, крупной вязки безрукавке, надетой на белую блузку.

– Эй, племянник, давай к нам, – сделал приглашающий жест худощавый, спортивного сложения мужчина с центрального стола. Тёмные волосы и тёмные же глубоко посаженные глаза выдавали в нём примесь южной крови; а линия скул и подбородка говорили скорее о непростом характере, чем о твёрдой жизненной позиции.

– Николай, – представился он, подавая руку.

Дан едва удержался от вопроса: не тот ли это Николай, который блуждал по лесу, а потом пил две недели?

– Это Алексей, Роман, Илья, – представил он остальных мужчин.

Даниил запомнил: Алексей – крупная ладонь, сильное мягкое рукопожатие; Роман – улыбчивый, в кричаще пёст-

рой рубаше; Илья – с плечами и ушами борца.

– Ну а это – Карина, – женщина представилась сама и протянула Дану узкую ладонь с длинными пальцами и свежим маникюром на ногтях. В сочетании с приталенной юбкой и лёгкой курткой явно индивидуального кроя – образ женщины как-то не вязался с общей атмосферой пивной.

– Марина, – обратился Николай к женщине за стойкой, – нам бы по пятьдесят для разгону за знакомство.

– Ага, а потом мне Фомич опять кишки на палочку мотать будет? Спасибо! Да ты уже и так разогнался.

– Ну, хоть не мне, новенькому.

– А он ко мне не обращался.

– Марина, – Дан обвёл взглядом компанию за столом, рассчитывая, что ему подскажут отчество.

– Да просто Марина, – буфетчица поправила волосы, – я ещё не в том возрасте, чтобы по отчеству...

– Я вообще-то не пью. Так, пива иногда.

Марина открыла кран и набрала кружку пива, почти без пены.

– Смотри-ка, новеньким лафа, – рассмеялся Роман.

– Пожалуйста, с вас тридцать пять копеек.

Дан протянул рублёвую банкноту.

– Пожалуйста, вот ваша сдача.

Дан не счёл нужным чем-то ответить на такое сердечное обслуживание и молча вернулся к столу.

– Откуда? – поинтересовался мрачноватый Илья.

– Из Москвы.

– О! наших прибыло!

Роман обратился к женщине:

– Каринка, поднимай: нас стало больше!

– Отцы, – Николай уже цеплял сидящих за соседним столом, – новенькому рыбки отломите: не каждый день с Большой земли люди приезжают.

Один из «отцов» – плотный, с седым ёжиком волос и обветренным лицом – отломил хвост от приличных размеров копчёного леща; хвост оставил себе, а остальное подвинул на край стола.

– Спасибо, Маркелыч, – Николай взял леща и положил перед Даном. – С почином!

Все дружно сдвинули кружки, чокнулись. «Отцы» тоже подняли свои кружки, таким образом принимая новенького в своё общество.

– Профессор, а ты почему как отщепенец? – Николай уже обращался к всклокоченному мужику, одиноко сидящему в дальнем углу.

Тот, кого называли профессором, виновато поднял пустую кружку:

– У меня пусто.

– Я больше в долг не дам, – отрезала Марина и смела тряпкой со стола несуществующие крошки.

– Надо поддержать науку, – Николай полез в карман за деньгами.

– Я поддерживаю, – Даниил вытащил рубль и положил на прилавок. – Две кружки.

Марина наполнила тару. Уже с пеной. Дан отнёс одну кружку и поставил перед всклокоченным, со второй – вернулся к столу.

– Странноватый вид у вашего учёного, – сказал Дан, отхлёбывая пиво.

– Так он чокнутый, – Роман сделал большой глоток. – Сам с собой разговаривает, спорит о чём-то.

– Лёша, у тебя «дружба» освободилась? – спросил сидящий рядом с Маркелычем – небольшого роста, с редкими волосами мужик, даже не удосужившийся снять ватник. – Мне бы дрова попилить.

– Освободилась, дядя Семён, завтра занесу. Надо только цепь поточить.

– Вот спасибо! Занеси, Лёша, я сам поточу.

– Что-то мне подсказывает, что нам здесь больше не нальют, – Николай вопрошающе посмотрел на Марину.

– «Что-то» тебе правильно подсказывает: пора и честь знать, – Марина с чувством передвинула тряпку на угол прилавка.

– Что ж, пойдём в другое место. Ты с нами? – обратился Николай уже к Дану.

– Я пойду с профессором поболтаю.

– Будет скучно – заходите в гости. Вон мой дом, – Карина показала пальцем через окно. – Оознавательный знак –

сосна у калитки.

– А может, он в библиотеку собрался? – вставил Илья.

– Пустая трата времени, – Роман допил пиво и, поднимаясь, со стуком поставил кружку на стол. – Авторитетно заявляю! Ну разве что читательский билет оформить?..

Все рассмеялись.

Дан разломил оставшийся кусок леща пополам и подвинул одну половину профессору.

– Даниил.

– Аркадий Викентьевич.

– А вы – «чего» профессор?

– Последние двадцать пять лет занимался вопросами неравновесной термодинамики, если вам это о чём-то говорит.

– Если честно, мало о чём. Знаю только, что этим занимался нобелевский лауреат Пригожин, который подписал первое «Предупреждение человечеству».

– Илья получил «нобелевку»? По какой дисциплине?

– Точно не помню. По-моему, по химии.

– А это самое «предупреждение» – оно о чём?

– О том, что траектории развития человечества и природы опасно пересекаются: возможны катастрофические последствия.

Аркадий Викентьевич вдруг мелко засмеялся и, повернувшись в угол, погрозил пальцем:

– Не шали!..

Дан посмотрел в пустой угол, затем перевёл недоумённый взгляд на профессора. Тот отхлебнул из кружки, пожевал кусочек рыбы и произнёс:

– Тут многие считают, что у меня что-то вроде «белочки». Я их не разубеждаю: и им всё понятно, и мне спокойнее.

– А на самом деле?

– А на самом деле – катастрофы, скорее всего, не избежать. Хотя какая-то надежда всё же присутствует. Если успеем понять друг друга и договориться. В том числе с такими, как он, – профессор показал на пустой угол. – Он же не местный, а вот привязался ко мне и путешествует вместе со всеми. Ему это зачем? Что им движет? И он понимает, что мне отсюда не выскочить.

Профессор с сожалением заглянул в пустую кружку.

– Вы заходите как-нибудь, можем копнуть поглубже. Я живу в последнем доме у леса, подальше от человекообразных.

– Зайду обязательно!

– А вы, если хотите настоящего, загляните в библиотеку...

* * *

Библиотека располагалась во флигеле, пристроенном к жилому дому; крылечко в три ступеньки осело правым краем в землю. Из маленькой прихожей дверной проём вёл непосредственно в помещение библиотеки, фонд которой состо-

ял из шести небольших стеллажей.

За столом у окна сидела девушка лет двадцати, с длинной косой, перекинутой через левое плечо, и читала книгу. Она, не поднимая глаз, указала Даниилу на самый дальний стеллаж у стены. Дан проигнорировал предложение, прошёл к столу и сел на стул, напротив девушки. Та дочитала до конца страницы, перелистнула её, выдержала паузу и с очевидным нежеланием подняла глаза на Дана... В её глазах можно было увидеть старинные замки, женщин в длинных платьях, любовную историю, но Дана там точно не было.

– Я же вам показала ваш стеллаж: там весь Конан Дойль и всё, что вышло в «Подвиге» и в «Искателе».

– Меня зовут Даниил.

– Елена Ивановна.

– Уважаемая Елена Ивановна, с чего вы взяли, что именно это меня интересует? Я вообще-то пришёл за Кафкой.

Девушка сморщила носик и склонила голову к правому плечу.

– Хотите пооригинальничать? Плохо получается.

– Почему?

– Потому что за Кафкой не приходят через пивную.

Она некоторое время со скептическим выражением лица разглядывала Дана, затем брови девушки поползли вверх.

– Подождите, что-то я вас не помню: вы что, новенький?

– Новенький? Ну, можно сказать и так.

– Когда прибыли?

– Сегодня ночью.

– На чём?

– Вообще-то на поезде, но мне почему-то рекомендовали говорить, что на машине.

– Понятно...

– Простите, но, ради бога, не могли бы вы меня просветить: что вам понятно?

– М-м-м... Если вы только что прибыли, вам лучше пока избегать всяких подробностей. Хотя... Если вы действительно любите Кафку... Кстати, что именно у Кафки вам нравится больше всего? За какой его вещью вы пришли?

– Захотелось перечесть «У врат Закона», хотя знаю эту притчу почти наизусть.

– «Никому сюда входа нет, эти врата были предназначены для тебя одного...», – и девушка сделала паузу.

– «Теперь пойду и запру их», – закончил Дан.

– Действительно, не обманываете. Кафку можно найти только в центральной библиотеке крупного города. Издание 65-го года. Правда, этой притчи там нет. Она печаталась в «Иностранке», в январском номере за 1964-й. Так что вам повезло.

С этими словами она выдвинула ящик стола, за которым сидела, и положила на стол журнал «Иностранная литература».

– Может, вы ещё скажете, кто автор этого рисунка? – она провела ладонью по потёртой поверхности журнальной об-

ложки.

– Херлуф Бидstrup.

Дан при этом умолчал, что один экземпляр журнала имелся в его домашней библиотеке и что его описание и содержание он знал детально. Девушка откинулась на стуле и стала рассматривать посетителя уже с неподдельным интересом.

– Я прошёл проверку?

– Да, и даже с блестящим результатом.

– Тогда можно с Елены Ивановны перейти на Лену и сразу на «ты»?

Девушка помолчала и с сомнением сказала:

– Можно.

– А почему такая пауза?

– Ты же из Москвы?

– Это на мне написано?

– Я там училась. Твои одежда и обувь куплены за границей, часы на руке стоят вообще каких-то невероятных денег... А сейчас ты упомянешь про мою косу, потом про настоящих русских красавиц, живущих в провинции, ну и далее возможны вариации...

Дану неожиданно стало очень уютно: как будто он попал туда, куда давно шёл. И он улыбнулся весело и беззаботно.

– Знаешь, я действительно собирался сказать и про косу, и про красавицу, только без упоминания провинции.

– Тогда скажи. Может, у тебя не банально получится.

Дан встал, взъерошил волосы, прошёлся по комнате, по-

тёр лоб...

– Не получается?

– Знаешь, как-то все слова вылетели. Странно, никогда такого не было.

– Ты меня разочаровываешь, – Лена, совершенно неожиданно для Дана, полностью перехватила инициативу.

– Так... Ну, то, что ты красивая, ты и сама знаешь... И ещё коса...

– Это всё?

Девушка выжидательно смотрела на Дана. Потом уголки её губ стали подрагивать – и через мгновение она звонко расхохоталась, неудержимо и заразительно.

– Ну и чего тут особенно смешного? – Дан с неподдельной обидой смотрел на девушку. – Почти признание, можно сказать, а ты смеёшься... Это даже как-то неприлично...

Лена, смеялась уже взахлёб, раскачиваясь на стуле и вытирая ладошками слёзы на глазах. Дан посмотрел вокруг, увидел на тумбочке графин с водой. Налил воды в стакан и поставил перед девушкой.

– Извини, – Лена сделала несколько глотков и, мало-помалу, немного успокоилась. – Просто самое первое признание в моей жизни было высказано точно такими же словами. Мне тогда исполнилось одиннадцать лет, ему было тринадцать.

– Ты и тогда смеялась?

– Нет. Признание состоялось в пионерском лагере; я тогда очень гордилась, что у меня появился такой сильный защит-

ник.

– И сколько же продолжались ваши отношения?

– Целых два года. Потом его отца перевели куда-то на север. На прощанье он меня поцеловал и обещал вернуться. Мой первый в жизни поцелуй...

– Вернулся?

– Нет. Написал три письма, одно даже где-то сохранилось... Там, в другой жизни...

Лицо девушки помрачнело. Дан пожалел, что расшевелил эту тему.

– До сколько ты работаешь?

– Ни до сколько. За день может быть один-два посетителя, а может и ни одного. Но если ты меня пригласишь прогуляться, весь посёлок будет обсуждать такое событие: дня три – очень бурно, и им будет не до чтения, потом – успокоятся.

– Ты хочешь, чтобы я тебя пригласил?

– А ты?

– Я же тебе признание сделал, хоть и неудачное по форме...

– А я – смеялась... Надо как-то заглаживать...

– Тогда пошли!

– Журнал будешь брать?

– Я же смогу в любой момент за ним прийти?

– Да, сможешь.

Девушка надела лёгкое пальто, и они вышли из библиотеки. Лена закрыла ключом входную дверь, Дан подал ей руку

и помог спуститься с крыльца.

– Тут у вас кто-нибудь когда-нибудь навернётся: надо угол поднять.

– Уже падали.

– Ну и что, трудно отремонтировать?

– Не трудно, только зачем?

– Как зачем? Ты же сама говоришь, что люди падают.

– Скоро перестанут...

Даниил повернул Лену к себе, пристально посмотрел ей в глаза.

– Что значит «перестанут»?

– Давай пройдемся, ты же меня на свидание пригласил, – с этими словами она взяла его под руку и развернула спиной к библиотеке. – Гулять здесь особенно некуда: две улицы по двадцать пять домов на каждой и два переулка между ними, поэтому весь фокус внимания перемещается на нас с тобой. Ты пытаешься произвести на меня впечатление своей завидной эрудицией и умением поддерживать беседу, а я поражаюсь твоему богатому внутреннему миру и вздыхаю.

– Лен, тебе на вид лет двадцать, а когда ты говоришь, то кажется, что ты намного старше.

– Ну, во-первых, мне уже двадцать два; и даже не буду от тебя скрывать: скоро должно исполниться двадцать три.

А во-вторых, я закончила филфак МГУ и год работала в Москве.

– А сюда как попала?

– Захотела повидать родных. А попала сюда... Ты же как-то тоже попал?

– Это трудно объяснить.

– Ну и не объясняй. Давай зайдём в магазин: у меня ничего дома нет.

– Ты меня приглашаешь к себе домой?

– Ты против?

– Нет. Я об этом даже не мечтал.

– Праздника хочу. Устрой мне праздник...

* * *

– Здравствуйте, Даниил Георгиевич, – скучающая в одиночестве продавщица в белом накрахмаленном халате улыбалась Дану из-за прилавка так, как будто они были знакомы тысячу лет. – Как замечательно: вы уже успели и с Леночкой познакомиться! Леночкой мы все здесь очень гордимся: такая красавица, а уж какая скромница!..

Она закатила вверх глаза и закачала головой, пытаясь таким образом передать невероятную скромность девушки.

– Скажу вам по секрету, Анжела Викторовна: Даниил сегодня хочет мне предложение сделать. Жаль, у нас колец негде купить, – с этими словами Лена взяла Дана под руку. – Вы уж нам подберите что-нибудь для торжественного ужина: так, чтобы навсегда запомнилось. Сами понимаете: такой момент раз в жизни бывает.

Глаза Анжелы Викторовны совсем полезли из орбит. Дан сделал произвольное движение, но девушка крепко прижала его руку к себе.

– Конечно, конечно, раз такой случай, я вам подберу всё самое лучшее, – защебетала продавщица.

Она обвела взглядом полки, скептически поджала губы и, вдруг опустившись на колени, решительно полезла под прилавок. Что-то там заскрипело, зашуршало, задвигалось... И вот показалась Анжела с красным лицом, торжественно водрузив на прилавок картонную коробку.

– Вот, смотрите, – она раскрыла коробку и стала выставлять на прилавок консервы. – Это зелёный горошек, венгерский; помидоры, огурчики – оттуда же; шпроты – это из Прибалтики; баночка растворимого кофе индийского; само собой, коробочка конфет, баночка икры, сервелатик. – Её взгляд снова заметался по полкам, и она забормотала, обняв ладонью подбородок. – А самое главное-то... Вам же крепкое нельзя, а из некрепкого... Ну не «Веру же Михайловну» или «Три топора»!..

Анжела кинулась в подсобку и вернулась оттуда с прямоугольным футляром тёмно-красного цвета, на котором было написано: «Вино коллекционное».

– Вот! – она с гордостью открыла футляр и достала из него бутылку с облитым сургучом горлышком. На этикетке белый аист в полёте гордо нёс на шее виноградную гроздь. Изображения медалей слева и справа от него подтверждали цен-

ность напитка. Под аистом – рукописным шрифтом с разорванными буквами, было нанесено название вина: «Чумай».

– Для себя держала: думала, будет какой случай, – Анжела смахнула рукой невидимую слезу. – Дорогое только, – она обратила взгляд на Даниила. – Четыре шестьдесят, вместе с посудой.

Дан, ошеломлённый происходящим не менее продавщицы, кивнул, подтверждая свою платёжеспособность.

Анжела сложила всё обратно в коробку, сверху положила вино. Даниил, не считая, сунул в карман сдачу.

– На свадьбу не забудьте пригласить.

– Обязательно, Анжела Викторовна, – растерянно проговорила девушка...

* * *

– Не так уж хорошо я знаю людей, – задумчиво сказала Лена, спускаясь с крыльца магазина. – Она ведь правда – всё это для себя готовила. Теперь действительно придётся свадьбу играть. Шучу...

– А почему «играть», а не «справлять»? – Дан переложил коробку на другое плечо.

– Точно неизвестно. В шестнадцатом веке свадьбу «справляли», символизируя инициацию; в девятнадцатом – уже больше «играли». Где-то по пути произошла десакрализация обряда и смысла... Почему не спрашиваешь, что это на меня

нашло?

– Сама скажешь, если захочешь.

– Журавли полетели, – девушка остановилась и подняла воротник пальто, задержав пальцы на его уголках. Высоко над лесом плыл журавлиный клин. Курлыканыя почти не было слышно. – Не помню такого за собой: ощущение, что мне сегодня всё можно.

– Ну, можно так можно...

Дом, в котором жила Лена, состоял из одной большой комнаты со столом, четырьмя стульями, сервантом с посудой и плательным шкафом; в дальнем углу стояла кровать, покрытая чёрно-зелёным шерстяным пледом. Справа от входа занавеской была отгорожена крохотная кухонная зона с «буржуйкой» и узким деревянным столиком. Дан выложил из коробки банки на кухонный столик и повернулся к девушке.

– У тебя консервный нож есть?

– Кажется, где-то был.

Девушка открыла сервант, сняла из стопки тарелок верхнюю и провела по ней указательным пальцем.

Хронометр на руке Даниила заиграл «Прощание славянки». Лена застыла с тарелкой в руке.

– Символичненько. И куда же призывают тебя сии трубы?

– К капитану. Я обещал прибыть к нему к шести вечера. Вообще забыл о его существовании.

– Ну, он-то как раз реально существует. Уж кто-кто, а Ни-

колай Фомич...

Лена, не договорив, со стуком поставила тарелку на стол.

– Я ненадолго. Он тут всё-таки власть...

– Конечно. Это я так... Не хочу, чтобы сегодня кто-то влезал...

* * *

Николай Фомич сидел за столом и что-то писал на листе бумаги. Двое мужчин (один – пожилой, с нездоровым румянцем на щеках, в чёрном шерстяном костюме; второй, помоложе – в свитере, бледный, с резкими порывистыми движениями) сидели друг напротив друга по торцам стола и пытались склонить капитана к своей точке зрения на прошедшие события.

– Он, – пожилой тыкал пальцем в «противника», – здесь вообще ни при чём. Это не его собачье дело. Кто он такой, чтобы мне указывать?!

– Если мне соседа чёрт подсунул, я что, должен всё терпеть? – кипятился бледный, размахивая руками в опасной близости от лица капитана.

Судя по всему, накал посетителей стремился к своему апофеозу.

– Может, я завтра зайду? – Даниил, на всякий случай, не стал закрывать за собой дверь.

– Нет-нет!.. Значит так: вот вам бумага, – обратился к по-

сетителям капитан, – идите и подробно всё изложите. Принесёте мне заявления, – он взглянул на часы, – к двадцати одному часу. Всё!

После того как кабинет опустел, Николай Фомич помассировал пальцами веки. И когда открыл глаза, блюстититель местного порядка исчез: перед Даном сидел уже знакомый «ночной» капитан.

– Я вас введу в курс дела настолько, насколько мы его сами понимаем, и рассчитываю на вашу ответную любезность. Поскольку вы голову сразу не потеряли, есть надежда на конструктивный диалог. Да, откровенно говоря, и выбора другого я не вижу.

На этот посёлок наткнулись случайно: чуть больше года назад, точнее, в августе прошлого года. Армейский вертолёт произвёл вынужденную посадку и обнаружил поселение, которого не было на карте. Естественно, пошёл запрос нам. На наших картах тоже ничего не было. Мы запросили архивы. А пока ждали ответ – посёлок исчез. Завели дело, и даже с номером: «Зона 14-А». Но между собой прижилось название «Пропавший посёлок». Версии отработывали самые дикие. Есть у нас отдел, где работают люди, скажем так, с нелинейным мышлением. Если к ним нормального человека посадить, через несколько дней ему нужно будет бронировать место в психушке.

Начали массированные поиски, с расширением района. Через месяц посёлок нашли, совсем в другом месте. На

этот раз не оплошали: забросили группу с передатчиком... Для краткости опущу неважные подробности. Проверили несколько предположений «нелинейщиков» – и вот что оказалось: перед тем как в первый раз посёлок нашли, авария была на железной дороге: люди погибли, и как раз столько, сколько человек в посёлке. Нашли их медицинские карты. Взяли анализы у жителей посёлка, под предлогом эпидемии... Полная идентичность!

– А удалось установить, по какому алгоритму происходит перемещение этой самой зоны?

– По непонятному. Причём как во времени, так и в пространстве. Но это не всё. До тебя, – капитан увлёкся и незаметно перешёл на «ты», – мы приняли ещё двух «гостей»: одного за другим, с разрывом в месяц. Появлялись тоже оттуда, с «железки». У обоих башку снесло сразу. Держать их здесь было нецелесообразно, и мы попытались их вывезти. Края зоны тогда были очень размыты, и её воздействие, соответственно, проявлялось тоже не сразу. И мы только со второго раза поняли, почему не смогли их довести. Вот вкратце и всё. Вопросы?

– Вы сказали «зона 14», да ещё с литерой. Значит, есть ещё как минимум тринадцать аномальных зон?

– Не обязательно сквозная нумерация. Ты имеешь в виду какие-то аналогии с другими случаями? Нет никаких сходных параметров, мы проверяли.

– Ну хорошо, а по какому принципу формировали запрос

на меня? То есть не на меня персонально, а на того, кто вам был нужен?

– Во-первых, мы уже поняли, что легче всего попасть в посёлок со стороны железной дороги. Во-вторых, это не должно было быть результатом летального исхода. И в третьих – гость должен почти сам к нам прийти, по собственному желанию. То есть «зов» мы организовали, но заставить тебя прибыть – не смогли бы. Как это технически выглядит, я не знаю, не моя тема. Но сигнал был отсюда, из зоны. И из «нормальных» никто не верил, что это сработает.

– Ещё вопрос: «гости» появляются или со стороны железной дороги, или «на попутке». В чём разница?

– На попутке – не гости, это подъезжают наши сотрудники. Я уже упомянул: отсюда, из зоны, мы не понимаем, когда и куда она перемещается. В основном направление – запад-восток, в пределах амплитуда около двух тысяч километров. Сначала перемещения были вдоль железной дороги, и тут хоть какую-то логику можно усмотреть. Потом зафиксировали одно смещение на север. С «когда» – тоже нашли решение. Договорились, что каждый вторник прилетает грузовая «Аннушка». Посёлок ведь всё равно приходится снабжать всем необходимым. Внутри зоны есть подходящая поляна. Если самолёта нет, наш сотрудник берёт передатчик, – капитан указал на сейф, – выезжает за пределы зоны и подаёт сигнал. Поселенцы в общении избегают всякое упоминание о железной дороге и охотно общаются с теми, кто приезжа-

ет на машине. С этой же целью и пивную организовали: она бригаду психологов заменяет.

– Пока всё, – вздохнул Даниил.

– Тогда – мои вопросы, – Николай Фомич достал из кармана серую коробочку и положил на стол. – Ты постарайся почётче формулировать...

Дан покосился на записывающее устройство, но ничего не сказал.

– Давай: кто ты, откуда, чем занимался, как сюда попал?

– Я, Даниил Александрович...

Пока Даниил рассказывал, капитан взял лист бумаги, нарисовал на нём несколько кружков и начал соединять их линиями, не имеющими, на взгляд Дана, какой-то общей связи.

– Подожди, вот ты говорил про направленное сновидение...

– Осознанное.

– Хорошо, пусть будет осознанное. А обратно?

– Я не пробовал, но не получится, заранее знаю.

Капитан задумчиво побарабанил костяшками пальцев по столу.

– Не вижу, за что зацепиться. Пока не вижу... Хорошо, ты машину водишь? Я имею в виду грузовую.

– Почти любую.

– Шестьдесят шестой?

– С закрытыми глазами.

– Поможешь утром? Нужно сделать ходку на аэродром.

– Во сколько?

– В семь.

– Не рассветёт ещё толком. Как «Ан» садиться будет? Там же поляна наверняка неровная.

– Самолёт уже здесь.

– Так вторник же – завтра, или я что-то путаю?

– Он последний раз не улетал.

– Что-то не так?

– Зона сжимается. Не знаем, когда и почему процесс запустился. Заметили полтора месяца назад. Динамика сжатия быстро прогрессирует. До какой площади зона может уменьшиться – не ясно; в пределе – до точки.

– А может, этих зон несколько?

Капитан усмехнулся:

– Быстро соображаешь. Есть предположение, что какое-то количество подобных или принципиально других точек-зон находится сейчас в неактивированном виде. Как их активировать – это одна задача; а что оттуда полезет – другая. Ладно, это пока неактуальная тема. В общем, оставаться опасно.

– У сжатия есть же какая-то причина?

– Наиболее перспективным сегодня считается направление «Шагреновая кожа». По аналогии с романом. Читал?

– Да.

– Ну вот, есть версия, что на процесс сжатия как-то влияют отношения людей внутри зоны. Вроде как дали им второй шанс, а принципиальных изменений нет. Но всё очень зыб-

ко... Делали замеры структуры поля – ничего. Фауна, флора – вообще зону не замечают.

– Нет сознания?

– Возможно. И границы зоны сейчас всё более чётко очерчиваются: почти без перехода. Ладно, давай!.. И плащ возьми: к утру дождь может быть.

Капитан положил в папку лист бумаги с почеркушками, которые делал при разговоре с Даном, и протянул руку. Даниил снял с вешалки у входа плащ и вышел.

* * *

Баба Дуся сидела на лавке и разглядывала фотографии в альбоме с серой картонной обложкой. Ещё два альбома лежали слева от неё, на чисто протёртом кухонном столе.

Дан разулся, прошёл к столу и сел напротив. Женщина, не поднимая головы, гладила рукой чёрно-белые фотографии и чуть заметно улыбалась. Наконец она развернула альбом на сто восемьдесят градусов и придвинула к Дану.

– Узнаёшь?

На снимке были двое: женщина в форме медицинской сестры и молодой, болезненного вида парень в сером халате.

– Это, должно быть, вы с кем-то из больных.

– Это же Федя! Я медсестрой работала. Его под вечер привезли, всего израненного. Не верили, что выживет. Выжил. Я за ним ухаживала. Так и познакомились. Ночи в госпита-

ле длинные, много чего рассказать можно, того, чего днём не расскажешь... Сидели сегодня, вспоминали... Всё наше лучшее уже прошло... Так что мы с Федей остаёмся... Ужинать будешь?

– Я, баба Дуся, зашёл сказать, что ночевать сегодня не приду. Чтоб не волновались.

Женщина согласно покивала головой.

– У неё, Даня, только вид независимый. Внешнее это. Скорлупа. А внутри – ранимая она очень. Ты уж как-то побережнее...

– У вас тут что, вообще всё под микроскопом?

– А не надо никакого микроскопа: весь посёлок гудит.

Дан выдохнул и поднялся.

– Пойду я!..

Баба Дуся, не вставая, сделала едва заметное крестное знамение и пододвинула к себе следующий альбом с фотографиями.

* * *

Лена с окаменевшим лицом сидела за столом, сервированным белой посудой с узкой серебряной каёмкой. На стук двери она отреагировала, но головы не повернула. Даниил снял плащ, прошёл к столу и сел напротив девушки.

– Сегодня вечер сплошных визави... Ну, что с тобой?

– Рассказал тебе Николай Фомич историю посёлка?

– Рассказал.

– А из того, что они тут наисследовали, ничем не поделился?

– Поделился.

– И ты... вернулся?!

– Как видишь.

Девушка повернула голову и протяжно посмотрела в глаза Даниилу.

– Не боишься?

– Нет.

– Я много раз ловила на себе взгляды этих экспертов: очень недвусмысленные взгляды. Но не более того. Ближко не подходят. И не потому, что им циркуляр запрещает: они боятся. А ведь у них специальная подготовка.

– Я не боюсь. Кроме того, чем я от тебя отличаюсь?

– Отличаешься. Ты – другой. Не могу этого объяснить, просто чувствую... Ничего он тебе больше не говорил?

– Просил помочь машину отогнать.

– Во сколько?

– В семь.

– Будешь будильник заводить?

– Придётся...

Лена встала, подошла к окну, задёрнула плотные шторы.

– Я всё приготовила, только перенести на стол. Поможешь? И бутылку надо открыть.

Даниил подошёл, мягко обнял девушку и поцеловал в гу-

бы. Сначала она никак не отвечала, безвольно уронив руки вдоль туловища, но постепенно ожила и, привстав на носочки, робко потянулась к Дану.

– У тебя на губах вкус солнца. Давай я тебе потом помогу...

* * *

Хронометр заиграл в шесть сорок пять. Даниил нажал кнопку и прервал музыку. Лена открыла глаза.

– Я не сплю. Можно, я не буду вставать? Так хорошо!.. Не хочется расплёскивать это состояние.

– Конечно, не вставай. Я быстро: туда и назад.

– Угу...

Дан оделся, не зажигая света, снял с вешалки плащ и вышел на улицу. Как и предполагал капитан, небо затянуло серой плёнкой и накрапывал дождь, пока ещё не сильный.

В окне бытовки горел свет. Капитан был уже в плащ-накидке; в руках у него ничего не было, кроме небольшого портфеля.

– Готов? – не здороваясь, спросил он.

– Да.

– Тогда поехали.

В кузове ГАЗ-66 стояло несколько ящиков и сидели шесть человек. Машина завелась с пол-оборота: видимо, за ней тщательно ухаживали. Дорога была несложная: примятая

трава создавала подобие колеи. Капитан, после того как сел в кабину, не проронил ни слова: о чём-то сосредоточенно думал.

Дан затормозил перед развилкой: направо уходил хорошо промятый в траве след, которым пользовались постоянно, левее – дорога, по которой машина прошла не более двух-трёх раз (трава просто ещё не успела подняться).

– Куда?

– «Направо пойдёшь – голову сложишь, налево пойдёшь – коня потеряешь», – продекламировал капитан.

Дан терпеливо ждал продолжения.

– В общем, так: левый след – беспроблемный. Через две минуты будем у самолёта. Правая дорога – основная, но там уже кусок вне зоны: от минуты до полутора. Если зона вас выпускает – ничего не почувствуете. Если же нет... Скорее всего, летального исхода можно будет избежать: перебой – короткий по времени, и граница не до конца сформировалась; думаю, максимум, что может быть, – потеряете сознание. Хотя риск есть. Ну что, молодой человек, проверим?

Дан посмотрел через стекло: сначала на левый след, потом перевёл взгляд на правый. Трава в свете фар стояла серой стеной: рассветало.

– Проверим, товарищ капитан. Если вы, конечно, капитан.

– На одну звёздочку меньше, на один просвет больше.

– Понятно... Значит, вытащите?

– Думаю, да... Ну что, меняемся местами?

Даниил не стал глушить двигатель: открыл дверцу и выпрыгнул в траву. Николай Фомич занял место за рулём, машина мягко тронулась и повернула направо. Даниил сжал зубы и усилием воли погасил напряжение тела...

* * *

...«Аннушка» стояла с огнями, и пропеллер уже всюду молотил воздух. Ящики из кузова перегрузили в самолёт за несколько минут. Вслед за ящиками на борт поднялись люди. Николай Фомич достал сигарету, щёлкнул зажигалкой, прикурил.

– Ну что, Даниил Александрович, летим? Если зона сожмётся в точку – неизвестно, что будет: ни с теми, кто оттуда, ни с теми, кто отсюда. Место я вам заранее приготовил: предполагал, что вы на эксперимент согласитесь и что, скорее всего, он пройдёт успешно.

Даниил молча протянул руку, взял из пачки сигарету, прикурил, вдохнул дым и закашлялся.

– Давно пробовали последний раз?

– Последний раз, он же и первый, на школьном выпускном.

Дан курил не в затяг, выпускал дым и, прищурясь, смотрел сквозь него на кроны деревьев. Ветер разорвал облака на лоскутные одеяла, дождик перестал моросить – и над чёрной полоской леса зарозовело.

– Пожалуй, останусь...

– Не пожалеешь?

– Не знаю... Надеюсь, ещё увидимся...

– И я надеюсь. На всякий случай: оружие в сейфе, в том же, где передатчик... Мало ли как обернётся... Ключи у Фёдора.

– Плащ оставлю себе?

– Оставь.

...Самолёт, покачиваясь на кочках развернулся против ветра, коротко разогнался и взлетел. Воцарилась оглушительная тишина. Дан медленно обошёл поляну, вдыхая утренние запахи леса, и вернулся к машине. На сосне напротив машины сидела белка и, склонив голову набок, бесстрашно всматривалась в него блестящими чёрными глазами. Даниил подмигнул белке, снял плащ, забросил его в кабину и забрался следом. Верхний край солнечного диска показался над кронами деревьев и посылал тёплые умиротворяющие лучи через лобовое стекло. Даниил откинулся на спинку сидения и блаженно прикрыл веки...

* * *

Дан, просыпайся!..

Он открыл глаза. Желтоватый сумрак плавал по купе; точнее, плавал в верхней части замкнутого пространства. Между нижними полками была серо-зелёная мгла.

Поезд стоял на какой-то станции: сквозь неплотно задёрнутые занавески сочился тускло-цветной свет. Стрелки часов показывали 3 часа 07 минут. Странно: в поездном расписании в это время не была указана стоянка. А для Нижнего Новгорода вроде бы слишком рано.

Дан спустил ноги с полки, нащупал ступеньку подвесной алюминиевой лесенки и, стараясь не шуметь, слез на пол. Лестница чуть-чуть звякнула, но в целом двигался он почти бесшумно. На нижней полке, сунув ладошку под щёку, спал малыш лет четырёх. Одеяло сползло на пол, и мальчик, чтобы сохранить тепло, подтянул к животу колени. Даниил поднял одеяло, укрыл мальчика. Осторожно потянул влево дверь купе, та отъехала совсем без скрипа. Он аккуратно прикрыл дверь, по коридору направился в сторону туалета, но на полпути сбился с шага: левый нижний угол тамбурной двери наискосок был покрыт инеем...

Так, всё ясно: сон во сне, с повторяющимся сюжетом. Не так часто встречается, но и ничего особенно необычного. На каком-то этапе, скорее всего, пойдут изменения... Вот они: изморозь на двери начала исчезать сверху вниз, превращаясь в капли воды. Даниил сосредоточился на процессе наблюдения и сунул руки в карманы.

В левом кармане пальцы наткнулись на ворох бумажек. Вытащил смятые денежные купюры достоинством в три рубля, пять рублей и один рубль. Среди них попался сложенный вдвое листок белой бумаги. Оказалось – записка. Округлым

лёгким почерком было написано:

Дань! Это дата моего дня рождения. Уже скоро. Если ты в этот день поднимешь бокал вина и произнесёшь тост, я, наверное, смогу это почувствовать.

Лена.

Ниже стояли четыре цифры. День и месяц её рождения.

P. S. И замени, пожалуйста, эту ужасную музыку.

...Он перевёл взгляд с листочка бумаги на дверь: изморозь почти исчезла, стекая вниз и капая на пол. Дан на мгновение замер, затем быстро вошёл в тамбур и повернул ручку боковой двери выхода на перрон. С улицы пахнуло тёплым ночным воздухом. Он, не откидывая ступеньки, спрыгнул на землю и пошёл к деревянному зданию вокзала с покосившимся чёрным дверным проёмом.

Маска

Дождь начался рано утром. Нудный, мелкий, холодный.

Выходить на улицу решительно не хотелось, да и нужды особой не было. Или была? Ответ на этот вопрос можно было отложить до шести часов вечера, поскольку магазин закрывался в семь. Внутренний голос подсказывал, что если поход не состоится сегодня, – завтра будет поздно: она исчезнет и больше он её не увидит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.